



Борис Пильняк

Старый дом

ФТМ



Борис Пильняк

Старый дом

«ФТМ»

1926

Пильняк Б. А.

Старый дом / Б. А. Пильняк — «ФТМ», 1926

«На террасе в этом доме, на косяке у двери были многие карандашные пометки, с инициалами против каждой пометки и датой; каждый раз (раньше, когда дом не был еще разрушен), когда ремонтировался дом, всегда отдавались распоряжения не закрашивать эти даты, – и до сих пор еще хранятся пометки: „К. М. 12 апр. 61 г.“, „К. М. 29 апр. 62 г.“ – каждые две буквы, хранящие за собою имя, с каждым годом шли вверх. Потом на двадцатипятилетие исчезали года и появлялись вновь в самом низу двери. Инициалы К. М. – Катюша Малинина, прабабка Катерина Ивановна, возросли высоко: высока была и стройна в молодости правительница дома Катерина Ивановна...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Борис Пильняк

Старый дом

I

На террасе в этом доме, на косяке у двери были многие карандашные пометки, с инициалами против каждой пометки и датой; каждый раз (раньше, когда дом не был еще разрушен), когда ремонтировался дом, всегда отдавались распоряжения не закрашивать эти даты, – и до сих пор еще хранятся пометки: «К. М. 12 апр. 61 г.», «К. М. 29 апр. 62 г.» – каждые две буквы, хранящие за собою имя, с каждым годом шли вверх. Потом на двадцатипятилетие исчезали года и появлялись вновь в самом низу двери. Инициалы К. М. – Катюша Малинина, прабабка Катерина Ивановна, возросли высоко: высока была и стройна в молодости правительница дома Катерина Ивановна. И каждая первая в роде, так случалось, возникая через каждое двадцатипятилетие внизу двери, дорастала до Катерины Ивановны. И последние даты, «Н. К. 11 апр. 924 г.» – достигли зарубок шестьдесят второго рода Катерины Ивановны, появившись у пола 7 мая (когда цвела уже, должно быть, сирень под террасой) тысяча девятьсот восьмого года. Н. К. Нонна Калитина, последняя в роде, даты ее и зарубины возражали в годы —914, 917, 919, 920–924.

Катерина Ивановна, в девичестве Малинина, потом Коршунова («Коршунихой» она и померла), – чтобы роду потом перейти к Калитиным, – Катерина Ивановна померла: двадцать пятого октября старого стиля тысяча девятьсот семнадцатого года.

Этот дом, по плохой памяти того, чьи даты появились на рубеже восьмидесятых и девяностых годов, был приданым Катерины Ивановны. Жили тогда на Большой Московской (ныне Ленинская), где была торговля; только на лето приезжали сюда, как на дачу, на берег Волги, – совсем же переселились сюда, когда разорились и умер муж Катерины Ивановны, – и пометы на двери делали веснами, когда после зимы впервые выходили на террасу.

Терраса стояла на столбах, высотой сажени в две. Под террасой росли тополя, белые акации и сирень, и на десяток саженей – до забойки, до Волги – шли лесные склады, бревна, восьмерики, двенашники, тес, дрова, – этим жили Коршуновы-Калитины, – и за забойкой была Волга, просторная и вольная каждую весну и в песчаных мелях каждую осень. С террасы в Волгу можно было бросить камнем и выкинуть тоску. И от улицы отгораживали террасу каменные лабазы, в которых раньше хранились соляные – для всего города – запасы, а потом, когда появился керосин, хранился керосин, вначале называвшийся фотогеном, потом фотонафтелем и только в самом конце керосином. Перед четырнадцатым годом, после разорения, в лабазе хранили рогожи и уголь, – придаток к лесной пристани, где торговали пятериками. И, если На дом взглянуть с улицы со взвоза, – потому что дома строятся по ватерпасу, – казалось, что дом стоит покачнувшись: слева земля подходила под окна, справа под рядом этих окон был этаж кладовых и квартиры для сторожей, а лабазы были уже трехэтажные. К двадцать третьему году обвалился лабаз, и было похоже, что дом прыгал в Волгу и разбил себе рожу – охренный дом – до крови красных кирпичей, да так и замер в своем скачке на дыбах, сдвинувшись, вжавшись в землю для прыжка. Но дом был каменен, громоздок, глух, приданое Катерины Ивановны.

Первое, что сохранилось в памяти об этом доме, – это как умирал дед, муж Катерины Ивановны. Это было в годы, когда пометы этого поколения на дверном косяке только что появились, – и в памяти осталось, что дед умирал медленно, в мучительной болезни, и в полутемном (всегда занавешены были окна) его кабинете удушливо пахло судном красного дерева, похожим на трон деда, – дед не мог ходить, лежал на подушках высоко, и под подушками у него лежали конфеты: вот сладость этих конфет в удушьи судна и осталась навсегда в памяти, – и,

если бы где-нибудь в хламе на базаре встретился этот красного дерева трон судна – через десятилетия, – его нельзя было бы не узнать... Но под террасой, на взвозе, на бульварчике наверху так буйно каждую весну цвели белые акации и сирени, – так буйно под террасой и под двенашиками, под забойкой разливалась Волга, несла простор, баржи, пароходы, пароходные гуды, штормы, песни, «дубинушку», людей, бурлаков, мать – русская река. Тогда веснами (весной умирал старик) нельзя было не понять всего буйя и вольности земли, вот этой спешащей, дурманящей черемухами, сиренями, акациями, песнями, толпами бурлаков, гудами. По дому ходила, плакала по мужу громко и при всех, а в город ездила с зонтиком и в «капоте» (так называлась шляпа) парой в дышлах, учитывала векселя, писала закладные, – а на пристань, к приказчику Михаилу Арсентьевичу, спускалась с тростью – Катерина Ивановна Коршунова-Коршуниха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.